

Арбатская академия

Театр им. Евг. Вахтангова — вчера, сегодня, завтра

Кувшера. — 1998. — 16-22 июля. — с. 12

Из театров, рожденных в советское время, самый знаменитый, конечно, — вахтанговский, единственный целенаправленно созданный крупными мастерами XX века. Евгений Богратионович ушел из жизни в самом начале собственного дела. Других лидеров репрессировали, а их труппы перестроировали. Вахтанговский уцелел, зато заплатил за выживание немалую цену. И все же при неизбежных контр-контурных творениях, шедших на его сцене, там всегда существовало нечто такое, что определяло особость и привлекательность этого театра. Вахтанговская мера жизни в памяти актеров, позднее ставшая ядром для новой публики — когда Рубен Симонов восстановил легендарную "Принцессу Турандот". Тогда много спорили, насколько версия соответствует оригиналу, но для театра, похоже, было чрезвычайно важно иметь в репертуаре такой спектакль.

Слева театра порой переживает его. Сегодня, несмотря на крепкую труппу (в каждом поколении — замечательные его представители), несмотря на ряд привлекательных постановок последних сезонов, несмотря на публику — свою, театр и актеров обожающую, приходится все же констатировать явно не лучшее состояние некогда славной сцены.

С причинами такого положения интересно разобраться еще и потому, что во главе вахтанговцев стоит не режиссер. Таких трупп уже немало в столице, однако, в отличие от Малого, "Ет селера", Театра Луны и прочих, где позиции лидера тоже занимают актеры, глава Вахтанговского не помышляет менять профессию.

А ведь мог бы, раньше такие попытки были, и нельзя сказать, что хуже, чем у других. Однако, когда волна внутритеатральных между-

усобиц достигла дома на Арбате и к Михаилу Ульянову обратились как к единственной фигуре, способной удержать театр от раскола, новый худрук обаялся воздержаться от режиссуры. Слово сдержал, хотя кто бы рискнул возразить? Да и время благоприятствует — в режиссуре равнугла масса дилетантов.

Ульянов удовлетворился актерством, хотя и тут пост главы не принес особых выгод. Смешно сказать (грустно? горько?), но сегодня Михаил Ульянов в родном театре занят в одной-единственной роли, да и то доставшейся по вводу. Незагруженность толкает его (как, впрочем, и остальных) в солидные антрепризы, где мало что способствует созданию актерских шедевров. Недобрая игра судьбы: во многих премьеры, которые выходили в последнее с хвостиком десятилетия, участвовал актер-худрук. Его имя — не только верная приманка для публики, но и знак серьезности намерений театра. И — что же? Спектакли вскоре после первых представлений не собирали зрителя.

Быть руководителем и не ставить самому — сложно. В отношении главных режиссеров уже выработалась схема: о театре судят по постановкам лидера (прочие постановщики и их продукция — гарнир). Вахтанговскому шефу выпало в то же время руководить и творческим союзом — тут его основным достижением было удержание СТД от распада. Но союз — гораздо более плотный клубок разнонаправленных связей и воль, в отдаленно взятой труппе все же проче.

Болеевая точка театра была и есть — режиссура. Собственно, и сами внутривахтанговские столкновения возникли однажды из-за недовольства работами Евгения

Симонова — грамотными, культурными, но архаичными и аморфными, особенно на фоне ускоряющейся бег действительности. Новый руководитель принял вроде бы верное решение: пользоваться не вполне уже утраченным капиталом — маркой труппы и замечательными актерами, приглашать на постановки мастеров со всех концов тогда еще неделимой страны. Набор выставочный: Роберт Стурра и Адольф Шапиро, Роман Виктор, Петр Фоменко и все еще ходивший в молодых Гарий Черныаховский.

Валета, однако, не пришло. Сегодня от постановок тех лет сохранилась одна пряная ("Дама без камелий"), в такие гледищеские беспорядочности, как "Бревенчатый мост" или "Уроки мастера" (в последнем — Михаил Улья-

нов, Юрий Яковлев, Александр Филиппенко, молодой Сергей Маковецкий), устаревали еще в процессе репетиций.

Театральный успех коварен, он так крепко сжимает в объятиях, что чудится — наявном. Хватка ослабевает совершенно незаметно; если вовремя не спохватиться — ждет грустное будущее. Поддерживать постоянный интерес к театру — целая наука, у которой ныне возникли свои корифеи (правда, театры от этого лучше не становятся).

Чудилось, вахтанговцев подвела драматургия. После гадения цензуры открылись возможности: тексты, ранее не рекомендованные, отечественные и зарубежные, творения абсурдистов и эмигрантов. Аналогия с послефевраль-

ским 17-го года периодом напрашивалась сама, но никому не представлялась интересной. Все эти наплывы склынулись, почти не оставив следа.

Новизна устаревала стремительно, театр продолжал жить в том же академическом ритме — два, редко три премьеры в сезон. В результате то, что принималось на ура при чтении, оставалось по мере продвижения на подмостки.

Тогда ставку сделали на классику — на протяжении нескольких сезонов худрук отрицал современную драматургию. Но уязвимость подобной позиции — в чересчур простых рецептах: брать только вечное и создавать исключительно шадедры. На самом деле она опровергается самой практикой того же вахтанговского бытия: чем,

скажем, "Дело", быстро сошедшее с афиши, хуже как льеса удачных "Без вины виноватых".

В этой постановке П.Фоменко, пять лет идущей с перерывом, сошло много: необычность решения пространства, свежесть молодых исполнителей в обычно опусаемом 1-м акте, работающие в непосредственной близости от публики. Притом, что постановка отнюдь не безупречна — это тот успех, который мог бы стать переломным моментом в судьбе театра. Но опять-таки не стал. Причины удачи не анализировались в полном объеме. На малой сцене появился "Милый лжец", но больше — "Варвары" и "Плутни Скандинав", однако ни камерное пространство, ни классика искомого эффекта не дали.

И снова идет разброс режиссеров, названий и залов: Александр Горбань сменяется Евгением Марчелли, Аркадий Кац — Андреем Приходько, Кальдерон сменяется с Голдменом, Де Бенедетти — с Да Филиппо. И снова странность: в Шукшинском училище, связь которого с театром тесна, существует ведь и режиссерское отделение. А за все годы ни одному молодому постановщику не предложено поработать в метрополии. Единственное исключение — питомец Фоменко, а значит, Владимир РАТИ Андрей Приходько, тот самый по ироничности которого в "Мастерской Фоменко" появились престелная "Таня-Таня". Но его "Жизнь есть сон" у вахтанговцев тоже не отнеслось к удачам, есть очевидные профессиональные просчеты (главный из которых — не решены отношения с публикой, сидящей в непосредственной близости от исполнителей). Однако характерно, что это всего лишь один опыт приглашения молодого режиссера. Больше не было.

Между тем в труппе выросло и новое поколение актеров. Отличительная их черта — осяз извонность они получили в основном вне стен родного театра. Имя Сергея Маковецкого связывается с театром Романа Виктюка, Максим Суханов, Юлия Рутберг более знамениты в спектаклях других сцен (горькое замечание последней: за восемь лет работы в Вахтанговском ни одной награды, первая — за роль в "Хлестакове" Театра им. К.С. Станиславского).

Складывалось парадоксальное положение — талантливая молодежь блистала на стороне. Именно благодаря ее усилиям был приглашен в театр Владимир Мирзоянов, чей выбор — "Амфитрион" — достаточно случив. Но этот режис-

сер слишком индивидуален и эпатижен, чтобы вписаться в афишу какого-то еще театра, кроме своего собственного.

В результате сегодня репертуар вахтанговцев столь же пестр и эклектичен, каким он был все предшествующее десятилетие. Нельзя сказать, чтобы все постановки последнего времени были неудачны — напротив, даже сквозь архаичку приемся "За двумя зайцами" проглядывают комедийный дар Мари Арносовой и зажатость массы массовки, состоявшей из совсем юных артистов. А "Тиксовая дама" подтвердила лидерство Фоменко уже на большой сцене. Но у театра в целом, похоже, Петр Науменко и остается главным козырем: у режиссера есть своя программа, свое видение сегодняшней сцены, у театра — нет.

В академии явно не выработана стратегия, отсутствует сколь-нибудь вынятая программа. Из выступлений худрука понятно, что главная забота — привлечение публики. Но это задача административная, не художественная. Зритель, как показывает опыт последних лет, фактор желательный, но отнюдь не решающий — убедиться в том можно на бесконечной массе скверных и аншлаговых антреприз, некоторым из которых вахтанговцы отдют свои подмошки.

Судя по планам вахтанговцев, они не видят данному замечанию: "Не прав говорящий" ой-час, ой-час, сейчас", уставившись на пасты билетной кассы; но прав говорящий "завтра, завтра, завтра...". И вот теперь в театральном кризисе присутствие невероятное?

Геннадий ДЕМИН

Фото Ю. ПИЛИПОВА

Слева: Е.Стникова и В.Лановой в спектакле "Лев зимой". Справа: М.Ульянов в спектакле "Антоний и Клеопатра"

Фото В. ПИЛИПОВА